

ИНСТИТУТ
НРАВСТВЕННОСТИ

П.И. Юнацкевич
В.А. Чигирев
С.В. Горюнков
С.Ю. Агафонов
Е.Ф. Матвейчук

ПУТЬ РОССИИ К СОЦИАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ

**МАТЕРИАЛЫ
К ИЗДАНИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА**

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФЕССОРА
В.А. ЧИГИРЕВА**

**СЕРИЯ КНИГ:
НРАВСТВЕННЫЙ ПУТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2006**

УДК 332.856:339.138(075.8)

ББК 65.422.5-2я7

Ю 49

Юнацкевич П.И., Чигирев В.А., Горюнков С.В., Агафонов С.Ю., Матвейчук Е.Ф. Путь России к социальному государству. Материалы к изданию социалистического манифеста / Под ред. В.А. Чигирева / Серия книг: Нравственный путь человечества. – СПб.: «Институт нравственности», 2006. – 28 с.

Рецензенты:

Васильев Владислав Леонидович, доктор психологических наук, кандидат юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, заведующий кафедрой правовой психологии Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД РФ.

Устюжанин Виктор Николаевич, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД РФ

Научный редактор:

Чигирев Виктор Анатольевич, научный руководитель «Института нравственности», научный руководитель «Санкт-Петербургского института социализма», доктор военных наук, профессор

В книге даны пути построения в России социального государства. Сделан вывод о том, что активное нравственное начало построения социального государства позволяет синхронизировать групповые и личные интересы лиц, принимающих решения, в рамках общественно-государственной идеологии, основанной на принципе нравственности, который носит наднациональный, надпартийный и надконфессиональный характер. Нравственная сила людей едина и неделима, именно она, по мнению авторов, послужит катализатором всплеска бурного потока человеческой энергии, творчества масс, необходимого для начала активного строительства социального государства в России.

Данной работой авторы открывают начало широкой дискуссии в обществе о построении в России социального государства на нравственном основании.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, небезразличных к будущему России.

ББК 65.422.5-2я.

© П.И. Юнацкевич, 2006

© В.А. Чигирев, 2006

© С.В. Горюнков, 2006

© С.Ю. Агафонов, 2006

© Е.Ф. Матвейчук, 2006

ISBN

Информационно-издательский центр «Института нравственности»

Подписано в печать 02.08.2006. Формат 60х90/8. Объем 1,5 п.л.

Печать офсетная. Бумага 80 г. Тираж 999 экз.,

Благотворительный выпуск для добровольцев нравственного пути.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЬ РОССИИ К СОЦИАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ

Материалы к изданию социалистического манифеста

Введение.....	4
1. Почему мы отказались от социализма.....	4
2. Что мы сегодня имеем.....	9
3. Выбор точки опоры.....	11
4. Идеология нравственности.....	15
5. Ротация управленческих кадров на основе принципа нравственности ...	17
6. Наши цели.....	19

Приложение

ПРИВЕДЁТ ЛИ НАС ПРАВО К ПРАВДЕ?

ПУТЬ РОССИИ К СОЦИАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ

МАТЕРИАЛЫ К ИЗДАНИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА

Нравственные люди – нравственные дела – социальное государство.

«Разумно устроенное государство *обязано* воспитывать своих подданных в сознании незыблемости моральных ценностей, в духе высоких нравственных начал»
Г.В.Свиридов

Введение

Настоящий документ родился в ходе обсуждения идей, высказанных в книге «Россия: путь к социальному государству», изданной также, как и эта, под редакцией профессора В.А. Чигирева летом 2006 г.

Одно из предложений состояло в том, чтобы перенести обсуждение из сферы научных кругов в более широкую аудиторию, в том числе в среду политиков, верных идеалам социальности, ищущих возможности установления в России справедливых общественных отношений.

Составители документа рассчитывают на заинтересованность тех, кому понятен катастрофический смысл происходящего в стране **нравственного холокоста**, кого не устраивает насаждаемая под предлогом “деидеологизации” *сверхвласть* агрессивной безнравственности, кто осознаёт историческую тупиковость идеологии «набивания карманов любой ценой».

Открыть дорогу нравственной силе, освободить энергию совестного начала, построить общество справедливых отношений — вот ради чего составлен этот документ.

Дискуссия о построении в России социального государства на нравственном основании продолжается.

1. Почему мы отказались от социализма

В своём чистом, исходном виде социалистическая идея – это не более чем идея примата общественных интересов над личными (от лат. *socialis* – общественный). И в этом смысле она есть просто другое словесное обозначение идей “демократии” и “социальной справедливости” – идей, всегда бывших в нашей стране популярными.

Но тогда нам никуда не уйти от вопроса: в силу каких конкретных причин в России конца XX века произошёл отказ от социализма? Ведь совершенно очевидно, что

общественный интерес учитывался при советском строе, даже при всех его недостатках, куда в большей степени, чем сегодня. Как очевидно и то, что более яркого воплощения социальной несправедливости, чем нынешний строй в России, трудно себе представить.

Причины, побудившие российское общество отказаться от опыта социалистического строительства в пользу нынешнего порядка, *на первый взгляд* “лежат на поверхности”; средства массовой информации так прочно вдолбили их в массовое сознание, что перечислить их не составляет труда. Эти главные причины, **а вернее – то, что за них выдаётся**, формулируются так:

1 – социализм, сдерживая проявления личной инициативы, не выдержал конкуренции с капитализмом как экономическая формация;

2 – социализм, будучи идеологизированной тоталитарной (несвободной) системой, не выдержал конкуренции с капитализмом как форма организации общественных отношений.

В обоих тезисах есть несомненная доля правды. Но – именно *доля*. А, как учил прозванный “отцом лжи” Талейран: «Говорите правду, но не всю». Он знал, чему учил: *не вся правда, или доля правды – это и есть ложь*.

Нам же сегодня, как никогда раньше, нужна *вся правда*. Но *вся правда о социализме* не сводима к специфике “социализма советского образца”; она вовсе не исчерпывается советским опытом претворения социалистической идеи в жизнь. *Вся правда* включает в себя много такого, о чём до сих пор не принято говорить; она *разнопланова*. А поэтому и рассматриваться она должна во всех своих разнообразных проявлениях без исключения.

Честный взгляд на природу советского социализма убеждает, что многое из происходившего в советской России не имеет в действительности к “социализму” никакого отношения. Например, на изъяны “социалистической формы хозяйствования” по умолчанию списываются практически все выпавшие в XX веке на долю страны испытания, издержки которых (моральные и материальные) очень сильно сказались на уровне и качестве жизни советских людей. Это в первую очередь – процессы *раскрестьянивания* и *индустриализации*, которые сами по себе ничего общего с социализмом не имеют и лишь случайно совпали с ним во времени (тот же Маркс показал, как протекали раскрестьянивание и индустриализация в Англии. И ещё вопрос, где власть проявила бóльшую бесчеловечность: в СССР или в демократической Англии). Это и трагедия Великой Отечественной войны, и необходимость восстановления народного хозяйства. И, конечно же, сравнивая эффективность “социалистической формы хозяйствования” с “капиталистической”, нельзя не учитывать фактор климатических особенностей России, который в принципе исключает слепое копирование *любого чужого опыта*, будь-то теоретический марксистский или практический рыночный.

Ещё один важнейший аспект *всей правды* о социализме заключается в том, что за единственно-научное теоретическое обоснование социалистической идеи в нашей стране слишком долго выдавалось учение, изначально обрекавшее любые попытки практической реализации этой идеи на неуспех – учение марксизма-ленинизма.

Действительно, за годы советской власти социалистическая идея была этим учением сильно скомпрометирована. Во-первых, она была скомпрометирована идеей “диктатуры пролетариата” – ставкой на люмпенизированную, т.е. не владеющую техникой управления часть населения (да и сама ставка была неискренней, – потому что реальная власть пролетариату, разумеется, не принадлежала). Во-вторых, она была скомпрометирована идеей “классовой борьбы”, т.е. практикой натравливания в процессе борьбы за “материю” одних слоёв населения на другие. И, в-третьих, она была скомпрометирована абсолютным

неприятием частной собственности, – что оборачивалось разрушением материального стимулирования производительного труда.

Ещё одна часть *всей правды* о социализме заключается в том, что критика советского варианта социализма как “большого собеса”, мешающего эффективному экономическому развитию, оказалась несостоятельной именно с точки зрения “экономической целесообразности”. Дело в том, что в настоящей жизни (а не в либеральной её интерпретации) устойчивое экономическое развитие невозможно без использования компенсаторных механизмов, т.е. без искусственного стимулирования спроса на продукцию производства (путём “накачки” денег в непроизводительную сферу потребления: в социальные, оборонные и другие, рассчитанные на перспективу, проекты); в противном случае следует коллапс перепроизводства. В Советском же Союзе в качестве таких компенсаторных механизмов как раз и выступали затраты на социальное обеспечение, на науку и образование, на оборону и т.д. Другое дело, что не было разумного управления этими затратами, – что и позволило заявить об их неэффективности.

Но и это – не *вся правда* о социализме. Ещё одна её часть заключается в том, советский вариант социалистического устройства слишком прочно связал себя с идеей политического, экономического и культурного изоляционизма. Причём не того здорового, умеренного изоляционизма, который взят на вооружение абсолютно всеми развитыми странами и который превращает границы стран в “мембраны”, пропускающие внутрь всё полезное и блокирующие всё вредное, а того “тотального”, избыточно-идеологизированного, который неизбежно обрекает страну на застой и деградацию.

Другой существенный аспект *всей правды* о социализме заключается в ложно понимаемой “свободе”, возникающей на основе неразличения того, *какая конкретная доля помех на пути к “свободе” производна от злоупотреблений властью, какая – от несовершенства человеческой природы, а какая – от сущности самой культуры (которая, по одному из её современных научных определений, есть нечто прямо противоположное “свободе”, а именно: есть “система ограничений, налагаемых на вседозволенность”, т.е. – и есть сама “власть”)*.

При неумении различать все эти тонкости, действительно, очень легко *соблазниться* только тем, что лежит на поверхности: злоупотреблениями политической власти. А тогда и возникает романтическое *искушение* уничтожить “власть несвободы” путём свержения “деспотии” (“тирании”, “самодержавия”, “тоталитаризма”, “диктатуры” и т.п.) и установления “свободного” политического строя. Заканчивается же уступка *искушению* всегда одним и тем же: расплатой за романтические иллюзии, т.е. анархией, уголовщиной и казнокрадством, а также эскалацией вооружённой борьбы, политических переворотов, восстаний и революций, лишь усугубляющих “несвободу”.

Но даже и ложно понимаемой “свободой” не исчерпывается *вся правда* об отказе от социализма. Ещё одна важнейшая её часть заключается в том, что социалистическая идея в “упаковке” института Марксизма-Ленинизма – это всего лишь наиболее логичное и последовательное выведение практических следствий из посылок исторического материализма; сам же исторический материализм – *это теория, впервые в истории человеческой мысли наукоподобно обосновавшая право человека и общества на безнравственность*.

Понимаем, что это очень сильное заявление; поэтому объяснимся подробнее. Дело в том, что теория исторического материализма возникла не как научное обобщение неких неопровержимых эмпирических фактов, а как умозрительная философская конструкция, удовлетворившая некоторым тенденциозным умонастроениям и запросам своего времени. Что это были за умонастроения и запросы, показал сам оглушительный успех теории, узаконивший именем науки все те формы “прогрессивного” человеческого поведения,

которые уже не считали себя связанными оглядкой на совесть, на нравственность, на справедливость и вообще на “идеалы”, – для них достаточно стало опоры на безрелигиозное знание, на формальное право, на “революционную целесообразность” и вообще на “интересы”. Конкретно это выразил так наз. “основной вопрос философии” (об отношении сознания к бытию), который раз и навсегда отказал *сфере духа (включающей в себя идеалы совести, справедливости и нравственности)* в праве считаться смыслообразующим стержнем жизни; он определил её как исторически преходящую, обусловленную экономическими, классовыми и другими формами общественных отношений систему ценностей, т.е. – как **необязательное, вторичное, относительное явление**.

Внешне-убедительную законченность историческому материализму придала теория происхождения видов Ч.Дарвина, которая и была принята за естественнонаучную основу материалистической парадигмы в её эволюционно-исторической форме. Но теория Ч.Дарвина сама представляет собой, по Н.Я.Данилевскому, «не только и не столько биологическое, сколько философское учение, купол на здании механистического материализма». Ясно поэтому, что, несмотря на всё внешнее наукоподобие доктрины исторического материализма, она не может служить настоящим руководством в процессе мировоззренческого осмысления нами самих себя и своего места в мире. Зыбкость её теоретических оснований должна рано или поздно повлечь за собой смену методологических предпосылок всего историко-материалистического учения и критический пересмотр всего накопленного им теоретического багажа. А это процесс непростой, болезненный, обещающий растянуться на целую эпоху, – поскольку затрагивает интересы далеко не одних только учёных с их лично-профессиональными амбициями, корпоративными установками, мировоззренческими убеждениями и политико-идеологическими ориентациями. Он затрагивает также интересы и тех, более циничных, “дирижёров” мировой политики, которые понимают, что историко-материалистическое мировоззрение со всеми его претензиями на “диалектику” – это всего лишь *ступенька на пути к законченному экономикоцентризму*: от предварительной *компроматации духовности* (через объявление её “вторичной”, “надстроечной”, “небазисной”) к созданию “**экономического человека**”, которому безразлично всё, что не имеет “товарного статуса” и “меновая стоимость” (идёт ли речь о “Боге“, о “совести”, о “национальном интересе” или о “государственном суверенитете”).

Уже сейчас на роль очередных (вслед за историческим материализмом) *ступенек, ведущих к завершению экономикоцентрической тенденции*, могут претендовать такие отточенные инструменты этой идеологии, как *бихевиоризм* с его неприятием высших смысловых ценностей, или *экономическая теория чикагской школы* с её фактическим уравниванием “неприспособленных предприятий” и “неприспособленных народов”. А всю ту фактологию, которая в указанные идеологические конструкции не вписывается, «современной либеральной теории запрещено замечать» (А.С.Панарин. Народ без элиты. М. 2006), подобно тому как в советские времена запрещено было сомневаться в истинности историко-материалистического учения.

Почему всё это делается, в общем-то, понятно, – если учесть, что господствующее сегодня материалистическое мировоззрение служит моральным оправданием сложившегося в мире бессовестного и безнравственного, а потому неустойчивого “глобального порядка”. Отказываться в этих условиях от материалистической парадигмы – означает ставить всё здание этого “порядка” под угрозу нравственной ревизии. Как и наоборот: **пока в сознании миллионов сохраняется свою авторитетность материалистическая парадигма – неуязвим и “глобальный порядок”**, воплощённый в основанных на ней предпосылочных установках, принципах и методиках обучения, в программах и технологиях управления массовым

сознанием, в огромном количестве зомбирующих формул и языковых штампов, в поведенческих образцах и шаблонах.

Понятно и то, что выступать в таких условиях против материалистической парадигмы означает фактически – ставить себя вне обсуждаемости, вне легальной научной полемики, вне возможности быть услышанным. Это особенно очевидно в связи с российскими условиями, где понятия “научный” и “материалистический” стали синонимами, – потому что на протяжении многих десятилетий советской истории сама возможность получения научной степени была напрямую связана с “принесением клятвы в верности материализму” (а именно так и нужно расценивать необходимость сдачи входившего в “кандидатский минимум” экзамена по философии).

Как следствие, мы имеем сегодня дело с феноменом куда более проблемным, нежели пресловутый “совок”: с “экономическим человеком”, который ещё совсем недавно «воспринимался как прозаический мещанский тип, “не интересующийся политикой”. И только приблизившаяся перспектива завершения процесса отчуждения всех ценностей и перевода их на язык обмена ускорила саморазоблачение этого типа в качестве нового тоталитариста, по сравнению с которым прежние тоталитарные типы выглядят приготовишками» (А.С.Панарин).

В Советском Союзе исторический материализм был возведён в ранг своего рода “научной религии”, – что обернулось дискредитацией не только традиционной религиозности, но и всякой вообще “идеалистичности” (ругательный термин в советской философии). Между прочим, история становления и развития советского строя очень хорошо показывает, как неуклонно изживалась в общественном сознании идея “социальной справедливости”, под знаменем которой большевиками осуществлялась программа переустройства российского общества. Поскольку мечта о справедливости общественных отношений, бессознательно коренившаяся в православной традиции, полностью соответствовала глубинному нравственному чувству народа, то, даже несмотря на воинствующий атеизм коммунистических идеологов раннего периода советского строительства, у них *вначале* имелся вполне реальный кредит народного доверия. Именно этим моральным кредитом подпитывались и “корчагинский” психотип, и самоотверженный героизм Великой Отечественной войны, и романтика ударных строек. И пока малограмотный народ напрягался на стройках и гиб на войне, идеологам верили на слово.

Но вот настали более спокойные и сытые времена, подросло новое, более образованное поколение, умеющее задавать каверзные вопросы. Оно уже понимало, что в своих реально складывающихся формах коммунистический проект определяется не столько декларируемым нравственным идеалом социальной справедливости, сколько лежащим в основе проекта его теоретическим обоснованием – материалистическим мировоззрением. Естественно, что для этого поколения во всей остроте встал вопрос *о соответствии идеала мировоззрению*. Тут уж идеологам пришлось вертеться: изобретать, с одной стороны, “марксистско-ленинскую этику как науку”, а с другой – обуздывать крепнущий молодёжный цинизм с помощью ещё одного наспех сляпанного рычага управления – “морального кодекса строителя коммунизма”. Но, как известно, ни одна из этих мер себя не оправдала. Заказное словоблудие советских философов уже откровенно раздражало, а построенный на плагиате из официально отвергаемых библейских текстов “кодекс” лишь усиливал общественный нигилизм, который и подкосил в конечном счёте коммунистическую власть.

Безусловно, усиление нигилистических настроений явилось очень сильным ударом по самим основам государственной политики эпохи “развитого” социализма. Но и общественный нигилизм вкуче со всем вышеперечисленным – это тоже далеко не *вся правда* об отказе от социализма. *Вся правда* вообще лежит в плоскости совершенно иных аргументов, нежели те, что используются в традиционной критике социализма советского

образца или в пропаганде альтернативных, капиталистических ценностей. И заключается *вся правда* в том, что **отказ от советского варианта социализма вовсе не был отказом от социалистической идеи как таковой; он был только лишь отказом от её исторически тупиковых форм.** Это подтвердит каждый, кто помнит, что все разговоры о “социализме с человеческим лицом” велись на заре перестройки с постоянными ссылками на “шведский”, “швейцарский” и прочие “социализмы”.

Иными словами, имело место отречение от несовершенного социалистического проекта в пользу другого, более совершенного – в пользу “социализма с человеческим лицом”. И если это отречение приняло внешне-видимую форму отказа от *социалистической идеи вообще*, то лишь благодаря изощрённым технологиям манипулирования массовым сознанием – благодаря бессовестному обману политически неискущённого народа.

В частности, были задействованы следующие манипулятивные технологии: 1 – широкая и универсальная в своей основе социалистическая идея (идея примата общественных интересов над личными) была искусственно сведена к двум идеям частного характера: к идее *монопольной государственной собственности на средства производства* и к идее *монопольного положения одной партии и идеологии*; 2 – она была незаметно подменена диаметрально противоположной идеей – идеей примата *прав и свобод личности*, которая в своём отрыве от идеи *обязанностей личности* превращается в инструмент игры на антиобщественных инстинктах; 3 – за образец реального воплощения социальной идеи в жизнь была выдана *витрина “золотого миллиарда”* – витрина, за которой на самом деле стоят, во-первых, ограбленный “третий мир”, и, во-вторых – всё более углубляющиеся *постиндустриальные* процессы разрушения социального государства как такового (см. нашу работу «Демократия умерла? Да здравствует демократия!»).

Без учёта факта манипулирования массовым сознанием совершенно невозможно понять, каким образом за “реформаторскую стратегию” удалось выдать сказочное обогащение узкой группы лиц, а за “реформаторскую тактику” – элементарное ограбление основной массы народа.

2. Что мы сегодня имеем

“Реформы” создали в стране очень неблагоприятный социально-психологический климат. Россия и её народ оказались в самой сложной ситуации за всю свою историю.

Прежняя политика самоизоляции сменилась политикой превращения страны в проходной двор, прежнее отсутствие свободы слова – свободой от смысла слова, прежний запрет на частное предпринимательство – криминалом и уголовщиной, а прежняя официальная коммунистическая идеология – необъявленной, но реально поощряемой сверху *идеологией обогащения любой ценой*. То есть, смысл перемен свёлся к замене одних неприемлемых крайностей на другие.

Сильнее всего глупости и преступления начального периода *псевдodemократии* ударили по остаткам нравственной компоненты власти, – что катастрофически отразилось и на её собственной дееспособности, и на духовно-нравственном состоянии общества. Налицо произошедший в стране **нравственный холокост** (нравственная катастрофа), необычайно высокий уровень деморализованности общества, крайняя степень скомпрометированности, опошленности понятий “порядочности”, “совестливости” и “нравственности” безнаказанностью тех, кто все такие понятия демонстративно попирает.

Как следствие, накапливается глобальная негативная эмоция, общественная тревога, тотальная неуверенность в завтрашнем дне. По малейшему поводу возникают страхи,

чреватые взрывами неадекватных реакций и немотивированных действий, угрозами сложившейся *псевдостабильности*. Углубляется имущественное расслоение общества. Наблюдается чудовищная несправедливость при определении размеров заработной платы наёмных тружеников. Имеет место поразительная, чисто *российская нищета: нищета здоровых и образованных людей, выполняющих квалифицированную, во всём мире считающуюся престижной работу за вознаграждение ниже прожиточного минимума*.

Жульническая приватизация, обездолив основную часть населения, запрограммировала глобальную внутрисоциумную неустойчивость.

Коррупция и организованная преступность превратились в практически легальную часть государственного механизма. Одновременно “инвестиции в коррупцию” стали характернейшей чертой нынешней экономики, превратившей энергетическую сверхдержаву в тупую “дойную корову”, в донора чужой энергобезопасности. Так называемые “демократические” выборы приобрели форму найма власти коррумпированным капиталом. А сама возможность происходящего обеспечивается “информационным терроризмом” средств массовой информации, выдаваемым за “деидеологизированное”, “свободное” выражение общественного мнения.

Правящие круги обнаруживают свою полную “профнепригодность”: вместо элиты – носительницы исторической памяти, хранительницы культурных ценностей, формирователя нравственных образцов поведения, генератора профессиональных, полезных обществу решений, разработчика общественно-значимых программных целей – мы имеем специализированных на текущей политико-финансовой проблематике и плохо справляющихся даже с менеджерскими обязанностями функционеров. Подлинная же духовная элита отодвинута на задний план.

Никто не верит в защитную социальную функцию государства. Напротив, абсолютное большинство уверено, что власть вовсе не думает о народе, “работает” на себя. Об этом (в душе, про себя) знают и сами власть предержащие на всех постах и уровнях властной вертикали. Лишь отдельные маргинальные, не вполне адекватные, обуреваемые мессианскими иллюзиями “демромантики” воображают, что “служат народу”. Остальные полностью отдают себе отчёт, что занимаются “бизнесом во власти”.

На другом полюсе, в социальном “низу”, общество всё больше начинает напоминать толпу – *человекомассу волков*. Это грозный симптом. Того и гляди, люди начнут добиваться исполнения установленных самой же властью законов насильственными, противозаконными методами. Не дай бог, террор вновь станет основным методом переустройства российского общества.

При этом все видят: псевдодемократия абсолютно не восприимчива к новым идеям. Мало того, она в них и не нуждается. **Нет главного: реальных публичных дискуссий по основным вопросам жизнеустройства.**

Но власть с упорством самоубийцы игнорирует растущее напряжение. Общее впечатление таково, что ключевые позиции в управлении страной захвачены группой самоназвавшихся “реформаторами” авантюристов и криминальных личностей. Само присутствие этих людей во власти вызывает у законопослушных граждан чувства недоумения, возмущения и негодования. Их действия поражают своей некомпетентностью и откровенной вредоносностью. А их демонстративная безответственность оказывает разлагающее, деморализующее влияние на все без исключения слои и структуры нашего общества.

Под предлогом необходимости наведения в стране *порядка, отвечающего стандартам цивилизованного мира*, эти люди строят в России нечто такое, что вызывает презрение, отвращение и страх за пределами нашей страны и что ведёт к необратимой деградации и вымиранию нас самих.

Возможно, не все эти люди понимают, что творят; возможно, что многие из них – заложники неподконтрольных им обстоятельств или же своих собственных ошибочных решений. Но очевидно, что все они изначально лишены способности отличать *фундаментальные общечеловеческие ценности* (совесть, справедливость, нравственность) от *инструментальных средств их воплощения* (свобода, демократия, права человека, рыночная экономика и т.д.). А это значит, что вольно или невольно они занимают *подменой ценностей*, принимая (и других заставляя принимать) за *ценности* то, что само по себе, по своей глубинной сути ценностями являться не может. Потому-то их деятельность и оказывается вписана в явно чужеродные, враждебные интересам и целям российского общества, контуры управления.

Стараниями псевдореформаторов Россия поставлена на порог социально-политической, национально-демографической, культурно-цивилизационной и государственной катастрофы.

3. Выбор точки опоры

Очевидно, что строить планы на будущее нужно, исходя из реально существующей ситуации. А ситуация такова, что без замены *антисоциально настроенного* аппарата государственного управления на *социально-ориентированный* уже не обойтись.

Естественно, что стандартное мышление подсказывает и стандартные сценарии действий по замене властного аппарата. Причём всё потенциальное разнообразие таких сценариев сводится обычно к выбору между двумя основными: умеренным и радикальным. По умеренному сценарию нам предлагают научиться выбирать в органы власти *правильных* депутатов, которые якобы и наведут порядок. По радикальному сценарию нас призывают выйти на улицы, на митинги, на демонстрации протеста, под пули и дубинки омоновцев.

В умеренном сценарии нам предназначена роль “стада баранов”, а в радикальном – роль “пушечного мяса”. И в обоих сценариях нам предназначена роль “массовки”, руководимой “козлами-провокаторами” – массовки, которую используют “по полной” и про которую тут же забывают, как только она выполнит свою функцию.

Есть и третий сценарий. Суть его в том, чтобы оружие, обращённое сегодня против нас, научиться использовать в своих собственных интересах.

Речь идёт об овладении **управленческим, организационным оружием – о новых технологиях социального управления**. Но чтобы понять, как использовать это оружие в собственных интересах, нужно знать, как именно оно работает против нас.

Здесь нужно выделить два момента:

1 - Против нас управленческое оружие работает по принципу “разделяй и властвуй”. То есть, путём искусственного возбуждения и постоянного раздражения в народах бывшего Советского Союза разного рода болевых точек (объективных противоречий, исторических обид, территориальных претензий, национальных амбиций и т.д.) страна делится на ряд суверенных государств. То же самое делается и внутри новообразовавшихся государств, в частности – внутри Российской Федерации, где в ход идёт разжигание уже не только этнических, но и других противоречий: религиозных, культурных, социальных. Одновременно разрушается и всё то, чем обеспечивается целостность самого большого, государствообразующего народа Российской Федерации – русского народа. А именно: высмеиваются его традиции, очерняется история, демонизируется сам народ как “враждебный цивилизации”, как “невосприимчивый к правовой культуре”, как

“патологически несовместимый с институтом демократии”. Всё это делается тем успешней, что и по советской, и по псевдодемократической конституциям русский народ, в отличие от всех других населяющих нашу страну народов, оказывается лишён статуса *государственного субъекта* (каковой обладает, согласно Конституции РФ, «всей полнотой государственной власти» – раздел первый, глава 2, статья 73). То есть, в собственной стране русский народ находится на внеюридическом, незаконном, *нелегальном положении абсолютно бесправного*, – чем и объясняется в конечном счёте трагизм нынешнего состояния и его самого, и России в целом.

Как следствие, денационализированный, деморализованный и дезориентированный русский народ всё меньше и меньше ощущает себя единым, – он становится игрушкой в руках кукловодов, скопищем “объектов отработки условных рефлексов” с помощью проплаченных средств массовой информации.

2 - Главный удар, призванный обеспечить эффективность политики “разделяй и властвуй”, наносится по базовым принципам исторической организации нашего общества, по его духовным устоям: по совести, нравственности и справедливости, которые объявляются “пережитками традиционализма”, мешающими “браться от жизни всё, что хочется”. Навязываемый нам отказ от нравственных устоев – это и есть тот спусковой механизм, которым приводится в действие эскалация “разрухи в умах”, а, следовательно, и сама “атомизация” общества с его последующей деградацией. **Взамен же нравственных устоев как идеологической сверхвласти всякого нормального общества во главу угла ставится** официально не объявляемая, но реально поощряемая нынешним руководством страны *идеология “обогащения любой ценой”, или идеологическая сверхвласть денег*, активизирующая низменные человеческие инстинкты.

Чтобы в полной мере осознать роковой смысл этой **подмены ценностей**, нужно предварительно уточнить суть отношений между “идеологической сверхвластью” и “политической властью”.

Эта суть, впервые в теории государственности разъяснённая Л.А.Тихомировым, сводится к следующему. «Верховная Власть (так Л.А.Тихомиров называл идеологическую сверхвласть – авт.) есть проявление принципа, идеи. Правительство есть создание практических условий времени и места» (А.С.Тихомиров. *Монархическая государственность*. М. 2006). «Члены государства – **подданные** только в отношении Верховной Власти, в отношении же правительства они суть **граждане**, ибо имеют свои права и свои обязанности, точно также, как правительство имеет свои права и обязанности. В обоих случаях права и обязанности определяются Верховной Властью, а правительство [в идеале] есть не более чем орудие управления» (там же).

В традиционных (доиндустриальных) обществах руководящим принципом Верховной Власти служило религиозно-нравственное начало, а её непосредственным выражением – единство *целей монарха и воли народа*. Но с усилением в общественном сознании материалистических тенденций и, соответственно, с компрометацией религиозного начала оно, вместе с фигурой монарха (как “деспота”, “угнетателя”, “тирана” и т.д.) оказалось выведено за рамки государственного механизма. Поэтому сегодня в качестве *исторических реликтов* Верховной власти мы имеем, с одной стороны, фигуру главы государства (короля, президента, султана и др.), а с другой – конституционное положение о народе как о главном источнике власти. Это – именно *реликты*, потому что конституционное положение о власти народа нейтрализуется политикой “разделяй и властвуй” (см. выше), а фигура главы государства имеет устойчивую тенденцию смещаться в сектор исполнительной власти правительства.

Как следствие, идеологическая “вакансия”, образованная исчезновением из общественной жизни традиционной Верховной Власти – религиозно-нравственного начала, начинает в новых условиях заполняться на официальном уровне суррогатами Верховной Власти (идеями “свободы”, “демократии”, “прав человека”, “рыночной экономики” и прочих *инструментальных средств воплощения* фундаментальных ценностей), а по умолчанию – разрушительной для государства и общества *сверхвластью денег*. Соответственно, Верховная Власть начинает постепенно отождествляться с политико-административной властью (процесс малоосознаваемый по причине неудачной терминологии Л.А.Тихомирова, допускающей такое отождествление). Реальной же, причём анонимной, властью, манипулирующей правительствами независимых внешне государств, оказывается в этих условиях мировая финансовая олигархия, она же – дирижёр политики “разделяй и властвуй”.

Можно ли управленческое оружие, основанное на таких изощрённых принципах, заставить работать не против нас, а на нас?

Мы считаем, что можно: и в отношении принципа “разделяй и властвуй”, и в отношении его идеологического обеспечения. Наша точка зрения такова:

1. Сегодняшняя российская властная “элита”, ставшая таковой благодаря приватизации общенародной собственности – это не монолит; в ней можно выделить две разнородные по своему характеру группы. Одна группа – это российский “филиал” мировой финансовой олигархии, другая – все “остальные урвавшие”, представители “туземной” олигархии (бывшие комсомольцы, красные директора, партийная бюрократия, представители силовых структур и т.д.). О качественном различии кадрового состава этих групп можно судить, в частности, по обронённой однажды А.Чубайсом фразе: «В силовых структурах мало наших людей». По факту в этих группах (назовём их *условно* “филиалом” и “остальными”) прослеживается вполне очевидная разность интересов, суть которой состоит в следующем. Обе группы приватизировали в своё время общенародную собственность за бесценок под “цивилизованные гарантии” мировой финансовой олигархии. Соответственно, обе они попали в непосредственную зависимость от неё, – потому что выручку от приватизации разместили в подконтрольных ей западных банках. Но “филиал”, как *органичная* часть “головной организации”, зависимостью от неё не тяготится; “остальные” же пытаются от этой зависимости избавиться. Почему? Потому, что в условиях нарастания западных кампаний по разоблачению “русской мафии” и объявлению её банковских счетов “нелигитимными” под угрозой оказываются, как правило, богатства представителей группы “остальных”, а не “филиала”. А это в первую очередь заставляет задумываться о собственных перспективах именно “остальных” – “туземную” олигархию.

С “филиалом” всё ясно: ненавидимый здесь, он всегда найдёт прибежище на Западе. С ним поэтому разговаривать не о чем. А вот с “остальными” иначе. Ненавидимые здесь и никому не нужные там, чувствующие, что почва уходит из-под ног, они (точнее – самые вменяемые из них) начинают испытывать “комплекс Исава, продавшего первородство за чечевичную похлёбку”. То есть, они начинают догадываться, что их, как лохов, обвели вокруг пальца: что западные кампании по разоблачению “русской мафии” и арестам её банковских счетов предусмотрены изначальным сценарием тотальной приватизации, что «*национальные проекты* тотальной приватизации – всего лишь временный, переходный этап» (А.С.Панарин) и что на следующем этапе их *всех* ждёт либо тюрьма и “законный” отъём денег там, либо “жизнь на вулкане” (постоянные угрозы “разборок” и прочих внеюрисдикционных эксцессов) здесь.

В конечном счёте “остальные” начинают понимать, что сколько-нибудь обнадёживающая перспектива у них возможна только в России – на условиях определённого

компромисса с ограбленным народом. Соответственно, они уже внутренне готовы к такому компромиссу.

Вот здесь-то и оказывается возможен конструктивный диалог с той влиятельной и дееспособной частью “остальных”, которая представлена служилым сословием силовиков: гарантирование им (и другим “остальным”) достойной перспективы в обмен на обезвреживание “филиала” и использование его финансового ресурса в общенародных целях.

2 - Обезвреживание “филиала” – это не самоцель, а всего лишь предварительное условие решения главных задач. Дело в том, что обезвреживание “филиала” без обезвреживания его главного оружия – *идеологии “обогащения любой ценой”* – это то же самое, что и отрубание голов Змея Горыныча, у которого вместо каждой отрубленной головы вырастают по три новых. Обезвредить же оружие “филиала” можно только одним способом: противопоставлением ему единственно-возможной идеологической альтернативы – *идеологии нравственности*, на основе которой к административному и правовому рычагам государственного управления добавляются рычаги *нравственного осуждения* и *нравственного принуждения*. Только лишь на этом пути становятся осуществимыми главные задачи: **восстановление принципов социального государства и наведение порядка в государственном аппарате на основе ротации кадров во властных структурах.**

Исходя из изложенного, мы определяем свою стратегию следующим образом :

- должен быть восстановлен приоритет духовно-нравственного начала над всей политико-административной сферой с её исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти;

- комплектование и ротация кадров во властных структурах должны осуществляться с учётом критерия нравственности;

- должна быть разработана эффективная процедура удаления из власти должностных лиц, деятельность которых вступает в противоречие с нравственными нормами – лиц, дискредитирующих саму идею государственной власти.

Иными словами: в программе действий по выводу страны из поразившего её кризиса нравственных устоев **власть в первую очередь должна взять на вооружение идеологию нравственности как дополнительный рычаг управления. И она непременно возьмёт её – если только она захочет (а мы убеждены, что захочет) оставаться властью.**

Понимаем, что надежда на добрую волю власти способна вызвать в нынешних условиях один лишь скепсис. Но считаем, что это – скепсис людей, не знающих истории. А она, история, постоянно демонстрирует нам образцы теснейшей зависимости качества управления от степени соблюдения самой властью нравственных норм. Вспомним хотя бы средневековый восточный афоризм: «Сидя в седле (т.е. грабя и убивая – авт.), можно завоевать империю; но невозможно, сидя в седле, ею управлять». Да и вся остальная, как предыдущая, так и последующая история взаимоотношений власти и общества всегда определялась – вопреки обывательским представлениям – вовсе не одними только классовыми и иными противоречиями и вовсе не одним стяжательством и мародёрством.

Повторимся: никакие “целевые программы” по “привитию” нравственности, (патриотизма и т.п.) не заработают **без реального принятия идеологии нравственности и без создания на её основе нравственной атмосферы как принуждающей идеологической сверхвласти, пронизывающей собою все общественные институты.**

Всё остальное – вопросы техники, в том числе и техники использования человеческой безнравственности в нравственных целях. Представим себе, например, что власть взяла на вооружение идеологию нравственности, в подтверждение чего совершила первые акты справедливости в виде *заслуженного* поощрения и наказания отличившихся руководителей.

Будет ли это означать, что все остальные руководители тут же проникнутся нравственным началом и начнут исполнять свои обязанности с особым рвением? Конечно же, нет. Но абсолютно предствимо и прогнозируемо другое: видя, что система нравственного осуждения и принуждения работает и что она представляет угрозу для карьерного роста да и вообще для пребывания во власти, чиновники начнут “копать безнравственный компромат” друг на друга, чем положат начало процессу “самовыдавливания” из власти наиболее одиозных представителей собственной среды, процессу *нравственной самоорганизации* власти (а, как следствие, и общества).

4. Идеология нравственности

Самый главный аргумент против введения любой монополюной идеологии, в том числе идеологии нравственности, имеет своей опорой ту статью Конституции РФ, в которой сказано: «В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (раздел первый, глава 1, статья 13, пункты 1,2).

В этой связи необходимо заявить следующее:

Во-первых: по умолчанию у нас сегодня монополюно господствует безнравственная, общественно-опасная идеология “обогащения любой ценой”, – что следует расценивать двояко: или как *демонстративное нарушение Конституции РФ*, или как *сигнал о необходимости замены деструктивной для государства и общества идеологии на созидательную*.

Во-вторых: в отношении категории “нравственности” указанная статья Конституции РФ не имеет силы, потому что в другой статье Конституции РФ говорится: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, **нравственности**, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (раздел первый, глава 2, статья 55, пункт 3). Иными словами: даже в сегодняшней редакции Конституции РФ *общественная значимость нравственности имеет более высокий порядок, нежели общественная значимость прав и свобод человека и гражданина*. А поскольку идеология – это комплекс идей и концепций, ориентированных на ценности, то и **само существование нравственности иначе как в форме воплощённой идеологии попросту невозможно**.

В-третьих: когда мы говорим об «идеологии нравственности», то нужно понимать, что сам термин “идеология” – это всего лишь дань современной культурной традиции, для которой кажется естественным называть всепроникающее духовное влияние идеологией. Поэтому, если оставить в стороне склочное препирательство о словах, то нужно будет признать, что **речь идёт о возврате не столько к “идеологизированному”, сколько к нормальному, т.е. признающему верховенство духовных ценностей, обществу**. В конце концов, можно говорить не об “идеологии нравственности”, а о “сверхвласти нравственности”, – что опять-таки вписывается в конституционные нормы (раздел первый, глава 1, статья 3, пункт 3), а также в теорию государственности, различающую “идеологическую сверхвласть как руководящий принцип” и “непосредственное управление как орудие претворения руководящего принципа в жизнь” (см. главу 3).

В-четвёртых: “идеологическое многообразие”, т.е. многообразие *в сфере ценностей*, ведёт не к “свободе мнений”, а к окончательной “атомизации” и, соответственно, деградации общества. То есть, пункт 1 статьи 13 Конституции РФ сформулирован без учёта различия

между *многообразием в сфере мыслей* и *многообразием в сфере ценностей*; многообразие второго рода, в отличие от многообразия первого – *это фикция*, потому что здесь **есть выбор только между ценностями и антиценностями** (между “добром” и “злом”, говоря языком религиозной традиции). **И сохранить саму возможность выбора между ценностями и антиценностями можно лишь, сознательно утверждая ценности, – в противном случае мы остаёмся только с антиценностями**, когда фиктивное “идеологическое многообразие” оборачивается “идеологическим безобразием”.

Ещё один аргумент против нравственности как государственной идеологии формулируется так: нравственность невозможно насадить директивным путём.

В этом аргументе много лицемерия. Годы *псевдодемократии* блестяще доказали, что с помощью средств массовой информации (органов директивного управления сознанием через эмоции) можно *очень эффективно насаждать всё то, что способствует нравственному разложению и деградации общества*. А это значит, что *с точно такой же эффективностью и с помощью точно таких же средств можно насаждать в обществе и всё то, что нравственно укрепляет и оздоравливает его*. Другое дело, что настоящий расчёт здесь – не на средства массовой информации, а на те педагогические системы, руководящим принципом которых является идея примата нравственного воспитания над профессиональным.

Конечно, мы не питаем иллюзий насчёт реального положения вещей и признаём, что «нравственность, как и талант, даётся не каждому» (А.С.Пушкин). Но мы считаем при этом, что не имеем права закрывать глаза на те отрицательные последствия, которыми оборачивается для подавляющего большинства наших граждан отсутствие нравственности у их меньшинства. А моральное право на защиту нравственности как традиционной ценности нам даёт взгляд на проводимую сегодняшней российской властью политику как на курс, насаждающий и легитимирующий под предлогом “деидеологизации” самую обычную “идеологию агрессивной безнравственности” (см. наши работы: «Нравственный путь безнравственной цивилизации», 2005; «Демократия умерла? Да здравствует демократия!», 2006; «Глобальное управление и принцип нравственности», 2006).

Тем не менее, налицо требующий безотлагательного решения вопрос: где *формальные* критерии определения того, что считать нравственным, а что – безнравственным?

Мы вполне отдаём себе отчёт в необычайной сложности вопросов, связанных с проблемными аспектами культурно-исторической категории “нравственности”. Но мы понимаем и то, что *реально наблюдаемая нравственность, воплощённая в практическом поведении людей, нуждается не столько в академической, сколько в общественной оценке*. Поэтому в качестве генерального (но не единственного) направления своей работы **мы сознательно выбираем область нравственности как операциональной категории, определяя её как “ненанесение ущерба себе, окружающим и среде обитания, гармонию духовных и материальных устремлений и действий, баланс прав и обязанностей”**

Данная **формула**, называемая нами “принципом нравственности” (“нравственным принципом”), представляет собой не благонамеренное пожелание, а своего рода “квинтэссенцию” общечеловеческого опыта. Во-первых, она является социальной *технологической оптимизацией* пророческих Заветов; но в Заветах функция нравственности предельно *максимизирована* («Возлюби Господа Бога своего всем сердце твоим...»; «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» – Мтф. 22: 37-39), а у нас она *минимизируется*, – поскольку методологически оценивать ущерб гораздо проще, чем выгоду (в силу неполноты знания). Во-вторых, данная формула – это не более чем изложение другими словами положений Конституции РФ, отраженных в статьях 55 и 58 (раздел первый, глава 2). В обоих случаях данная формула, называемая нами “принципом нравственности”, обнаруживает свойства универсального инструмента идеологической свержласти

нравственности: она “работает” и как средство оценки деятельности субъектов («судите по делам их»), и как орудие решения текущих проблем (на основе расширенного использования экспертных процедур при определяющей роли нравственного координирующего начала). Самое же главное: *принцип нравственности абсолютно совместим с любым социально-политическим строем (с монархиями, демократиями и т.д.); на его основе купируются недостатки любых форм государственного устройства, при одновременном сохранении их лучших свойств.*

Являясь, по сути, *предельной операционализацией требований духовного характера*, принцип нравственности создаёт такой угол зрения на проблему организационного управления, при котором в центре внимания оказывается *связь нравственности как безусловной традиционной фундаментальной ценности с живой управленческой практикой.* А критерием соответствия управленческих решений нравственным стандартам становится очевидность их **социально-ориентированного характера.**

Мы считаем, что это и есть “социалистическая идея” в её современном воплощении, отвечающем духу времени и требованиям момента. Можно даже сказать что без принятия принципа нравственности гармоничная «не репрессивная» реализация идеи примата общественных интересов над личными попросту неосуществима.

5. Ротация управленческих кадров на основе принципа нравственности

Как обеспечить ротацию кадров во властных структурах с учётом критерия нравственности?

Ясно, что сама сегодняшняя власть (та её часть, на которую делается ставка) здесь беспомощна. Ей нужно помочь: вооружить её соответствующей технологией социального управления как практической программой действий.

Такая программа разработана Институтом нравственности, образованном в 2005 году. Названный Институт – это не традиционный орган управления и контроля и не научно-образовательное учреждение; это своего рода “интеллектуальное предприятие” со стратегическими функциями и с переменными структурными параметрами, инструмент разработки и внедрения новых социальных технологий, маневренное орудие общественного проекта “Институт нравственности”. Последний уместнее всего сравнить с “институтом демократии”, – с той поправкой, что проект “Институт нравственности” является выражением общественной потребности в преодолении социальных болезней (коррупции, терроризма, политического лицемерия и цинизма, двойных стандартов и др.), порождаемых *чисто формальной природой* института демократии. В сущности, проект “Институт нравственности” – это всего лишь констатация того факта, что **демократия без нравственности – пустой звук** и что все её основополагающие принципы, начиная с выборности властей и кончая их разделением, *будучи подчинены разлагающей сверхвласти денег*, обесмысливают само понятие народовластия. А поскольку в России на этот факт указывает уже целая историческая традиция (от А.С.Пушкина до И.А.Ильина), то и сам институт демократии возможен в ней только лишь **в форме проекта “Институт нравственности”**, т.е. в форме *института нравственности как идеологии сверхвласти нравственности.* Последнее пятнадцатилетие убедительно доказало, что **без опоры на такую – нравственную – сверхвласть ни социальное государство, ни социалистическая идея в России невозможны.**

Конкретные предложения Института нравственности заключаются в разработке новых социальных технологий: таких организационных форм диалога между представителями власти и общественности, которые эффективно совмещают в себе юридическую, практическую и нравственную компоненты. Ядром этих новых технологий являются экспертные сообщества, рассматривающие все существующие проблемы с нравственных позиций, а примером их практической реализации могут служить **Государственно-общественные научные экспертные советы**. Суть же новых социальных технологий сводится к повышению роли и усилению функций Государственно-общественных научных экспертных советов, которые, *во-первых*, сделают невозможным принятие правительственных решений на основе групповых кулуарных сговоров, *во-вторых*, придадут юридически-законную силу решениям общественности, *в-третьих*, обеспечат высокий профессиональный уровень этих решений и, *в-четвёртых*, изначально подчинят эти решения нравственному координирующему началу.

В круг непосредственных задач Государственно-общественных научных экспертных советов входят: подготовка стратегических решений, разработка целевых программ, вынесение нравственных оценок деятельности публично значимых лиц и т.д. Одновременно Государственно-общественные научные экспертные советы могут послужить основой для создания настоящего Общественного совета России, который, в отличие от нынешней декоративной “Общественной Палаты”, возложит на себя функцию “нравственного компаса” в решении стоящих перед обществом проблем. И они же должны явиться источником и базой человеческого ресурса для того “углубления демократии”, которая выразится в усилении ротации кадров правящей бюрократии.

Речь идёт о том, что к активной социальной жизни привлекаются сотни и тысячи достойных во всех отношениях, квалифицированных, высоконравственных людей, оказавшихся в силу определённых причин на “социальной обочине” – вне сферы обсуждения и принятия общественно-значимых решений. Причины, вытолкнувшие их на “социальную обочину”, известны: это те самые причины, которые привели к засилью во всех ключевых звеньях и структурах управления безнравственных, безответственных, а часто и абсолютно непрофессиональных людей. То есть, это те самые причины, которые поставили на грань катастрофы нашу страну. В этих условиях Государственно-общественные научные экспертные советы оказываются единственными в своём роде институтами, способными “запустить” обратный процесс – процесс восстановления страны путём вовлечения в активную социальную деятельность невостребованных, нравственных профессионалов. В том-то и заключается **принципиальное отличие Государственно-общественных научных экспертных советов от всех других “Советов”, что пополнение их составов не ограничено никакими “цензами”, кроме одного: “ценза” приверженности нравственному принципу**. А необъятное поле возможностей, создаваемое самой глубинной сутью Государственно-общественных научных экспертных советов, открывает широкие перспективы для каждого, кто разделяет глубоко-нравственную идею примата общественных интересов над частными, кто способен постоянно повышать свой образовательный уровень и кто хочет принимать участие в управлении государством.

Самые первые шаги по реализации наших предложений уже сделаны. Они позволяют говорить как о факте *о матричной модели общественной самоорганизации*, могущей служить образцом для подражания и для “пересадки” в любую точку постсоветского пространства Российской Федерации. Назначение этой матричной модели – вдохнуть новые жизненные импульсы в прочно забытое на российской почве понятие **“хозяина собственной страны”** (подробности см. на сайте Института нравственности – в статьях «Краеугольный камень заложен», «Третий сценарий» и в других наших материалах).

Условия для совершенствования матричной модели задаются принципиально новыми технологиями социального управления. Всемирная информационная паутина, которая первоначально предназначалась для информирования пользователей, а сегодня всё больше используется как средство манипулирования ими, должна быть использована в интересах создания принципиально нового феномена – “мыслящего социума”. А интеллектуальной основой “мыслящего социума” и является множество экспертов, вовлекаемых в глобальный дискурс в режиме непрерывного диалога – обсуждения любых важных общественных проблем.

Экспертные сообщества, куда может входить каждый нравственный и квалифицированный человек, получают возможность эффективно влиять на динамику элит. То есть, именно они в процессе дискурса определяют, какая конкретно нужна обществу структура власти, собственности, политики и т.д. – исходя из условий “здесь-теперь”. Они занимаются созданием технологий управления обществом, вырабатывают и предлагают решения по текущим проблемам, выстраивают систему “нравственного рейтингования”. Они выносят вердикты в отношении любых публичных лиц; они решают, кто по своим нравственным качествам достоин занимать руководящую должность, а кому нахождение во властных структурах противопоказано. Они разрабатывают механизмы поощрения и наказания, призванные повышать эффективность диалога между государством и обществом. Они обладают правом наложения “нравственного вето” на любые решения властных органов, потенциально чреватые общественным ущербом. Их деятельностью *запускаются* стимулы для профессионального и общественно-политического роста граждан, реализуется конституционное право народа на высшую власть, возбуждается творчество масс, энергия которых перенаправляется из сферы “передела материи” в общественно-полезную, созидательную сферу.

Режим непрерывного дискурса, в котором работают эксперты – это общемировой поиск истины. В процессе дискурса идёт постоянное “нравственное рейтингование” как управленцев, так и самих экспертов, а, значит, идёт и постоянная ротация тех и других; каждый имеет свой динамический, *нравственный рейтинг*. Общество постоянно “перетряхивается” в плане максимального высвобождения и проявления своих позитивных потенциалов.

Всё это вместе взятое и есть то, что принято называть “социализмом”, “свободой”, “правами человека”, “перманентным углублением демократии”; всем этим, по сути, и обеспечивается преодоление уродующих нашу жизнь крайностей – преодоление разрыва между духовно-нравственной сферой и сферой материального производства, между воспитанием профессиональным и воспитанием нравственным, между “человеком экономическим” и “человеком социальным”.

6. Наши цели

Мы считаем, что в условиях господства *инструментальных* ценностей (свобода, демократия, рынок, права человека и др.) над *фундаментальными* (совесть, нравственность, справедливость) мир не может развиваться иначе как в направлении “неоварварства” и “неофеодализма”, при которых абсолютно все страны будут обречены на повторение печального опыта России 90-х годов. Возможно, что кто-то на Западе именно в этом и заинтересован. Но у России – свои собственные цели и планы.

Только “нравственный компас”, приводимый в действие энергией нравственных и высококвалифицированных людей, позволит нам безошибочно ориентироваться в любых

спорных вопросах, будь-то вопрос о частной собственности, о глобализации, о национализме и др.

Например: в практике идеологической борьбы массовому сознанию навязывается выбор между чисто юридическими формами отношения к институту частной собственности: он или признаётся в качестве структурообразующего принципа организации общества, или полностью запрещается. С нашей же точки зрения, материальные основы нашего существования должны развиваться на раз и навсегда установленном *нравственном отношении* к частной собственности. А именно: то, **что создано Богом (Природой), должно оставаться общенародным достоянием** – источником общественного благосостояния и залогом социальных гарантий. А то, **что создано личным трудом, инициативой, предприимчивостью граждан – может получать все права легитимной частной собственности**. Только лишь такое – *справедливое* – отношение к институту частного владения способно снять внутрисоциальное напряжение, сделать неантагонистичным разрыв между богатыми и бедными, обеспечить равенство потенциальных возможностей, а, значит, и социальный мир в обществе.

Другой пример. Мы считаем, что так наз. “глобализация” ни в коем случае не должна рассматриваться в рамках ложного выбора по принципу “или-или”: или как “абсолютное зло”, или как “абсолютное добро”. **Глобализация – это объективный и неизбежный процесс** со всеми его плюсами и минусами, и **наша обязанность – найти способы нейтрализации отрицательных сторон глобализационного процесса, придать ему нравственное измерение, подчинить его течение нравственному координирующему началу**. Нашу позицию в данном случае помогает понять аналогия: если родители, беспокоясь за своего ребёнка, перестанут выпускать его на улицу, мотивируя это тем, что “на улице опасно” (там хулиганы, транспортное движение и т.д.), то такой ребёнок вырастет инфантильным, асоциальным, неприспособленным к жизни существом (что, кстати, и случилось в СССР, который, по большому счёту, развалило поколение инфантилов, воспитанных в изоляции от внешнего мира и по этой причине неадекватно его воспринимавших). Нормальные же, т.е. нравственно ориентированные родители именно в том и видят свой воспитательский долг, чтобы вооружить ребёнка знанием “правил поведения на улице”.

Или такой пример. В современном мире особую остроту приобрели национальные проблемы. Если противоречия между субъектами, различными по партийному и религиозному признакам, принципиально устранимы (можно сменить партию, принять новую веру), то совершенно иное дело – национальный вопрос. Расу, национальность сменить нельзя. “Замаскироваться” не удаётся: “тут не по паспорту...”. В свете же нравственного подхода проблема решается просто. Вместо традиционной её постановки: «Мы против москалей, хохлов, жидов...» даётся такая: **«Мы против безнравственных людей»**. Здесь, как и в двух предыдущих примерах, имеет место тот самый случай, когда новая формулировка проблемы приводит к её решению.

Нравственные ценности – это не частный случай в ряду «общественного самосознания» и «укрепления демократии», но то, чем обеспечиваются в конечном счёте и общественное самосознание, и укрепление демократии. Мы считаем, что основной питательной средой для идеологов межцивилизационного раскола, пропаганды ксенофобии, национального и религиозного экстремизма, а также для международной террористической деятельности служит в первую очередь массовая **нравственная безграмотность**. И мы убеждены, что **взаимную социальную адаптацию различных культурных, этнических и конфессиональных групп населения и в нашей стране, и во всём мире способно обеспечить лишь то образование, которое изначально строится на нравственном принципе**.

Мы должны помочь государству не на словах, а на деле развернуться лицом к людям труда, и прежде всего к тем, кто создавал экономику страны, кто защищал её на фронтах, кто строил социализм в СССР. Логика здесь элементарна и безупречна: молодёжь, видя, как брошены на произвол судьбы наши старики, какое жалкое существование влечат ветераны, никогда не возьмёт с них пример, никогда не воспользуется их опытом; наоборот, она все силы приложит к тому, чтобы не повторить их судьбу. А это значит, что она будет жить по разрушительному и для неё самой, и для общества принципу: “оторвать побольше, унести подальше и попользоваться подольше”.

Но молодёжь – это наше будущее. И при таком её выборе наше будущее жестоко и катастрофично. Потому-то государство и должно проявить заботу о ветеранах, чтобы стала предельно очевидной взаимозависимая связь поколений: если молодёжь – будущее ветеранов, то о будущем самой молодёжи можно судить по качеству жизни ветеранов. Только проявив нелицемерную заботу о стариках, можно повернуть молодёжь на нравственный путь, спасти от губительной власти “золотого тельца”, реально построить социальное государство. Это и есть единственно возможный для нас, **нравственный социализм**.

Нам мало одного лишь “сбережения народа”; нам нужно также и укрепление нравственных основ его бытия. Нам недостаточно просто “развития культуры народа”; нам нужно также и поддержание нравственной направленности такого развития. И нам нужно не просто существование сильного и богатого Российского государства, но такого, в котором решающая роль будет принадлежать духовно-нравственной элите общества.

Нравственный социализм – это не установка на принцип “отнять и поделить”, а “баланс духовных и материальных устремлений и действий, прав и обязанностей”, достигаемый лишь при соблюдении нравственных норм общежития. Нравственному социализму необходима частная собственность, но не такая, которая превращает общество в заложника бандитских разборок по “переделу материи”, а такая, которая воспитывает в членах общества самоуважение, чувство собственного достоинства и уверенность в завтрашнем дне. Соответственно, нравственному социализму нужны богатые люди, но не такие, которые воображают себя стоящей над “быдлом” и над законом “элитой”, а такие, которым будет много дано, но с которых много и спросится за экономическое благосостояние, социальный мир и нравственную атмосферу в обществе. И, разумеется, нравственному социализму нужна опора на научную теорию, но не на такую, которая изначально осознаёт себя стоящей “вне морали и нравственности”, а на такую, которая сама явится *теорией совести, нравственности и смысла* (возможность такой теории – это особый вопрос, от решения которого мы вовсе не уклоняемся).

Конечно, нужно понимать: тот социализм, который нам нужен, сам в руки не упадёт; за него придётся бороться. Но нужно понимать и то, что политика манипулирования массовым сознанием, политика кулуарных сговоров за спиной общества, политика поощрения временщиков, спешащих “распилить и вынести” из страны последнее, политика дебилизации и оскотинивания народа средствами “независимых” средств массовой информации – *это всё знаки безвременья, которое не бывает бесконечным*. А, значит, нужно думать о будущем и работать на него.

Одна из основных задач, которая должна быть решена в ближайшее время – *создание в обществе такой нравственной атмосферы, при которой руководитель любого ранга на своём государственном посту оказался бы вынужден воздерживаться от дискредитирующих власть поступков, сохранять и приумножать результаты своего и общественного труда на общее благо*.

Главная же **наша цель** – она же глобальная цель социалистического проекта в России – **построение общества нравственной и социальной справедливости путём непрерывного**

нравственного воспитания граждан и всемерного обеспечения каждому человеку возможностей достижения социальной значимости в духовной и материальной сферах жизнедеятельности. Только на этом пути достигается единство целей и средств их достижения: построение нравственно ориентированного общества через воспитание индивидуальной нравственности (*где оценку поведения заменяет оценка нравственности*). *Только таким путём и возможно построение социального государства.*

Мы думаем, что **такая цель вполне достойна того, чтобы стать общенародной целью.** В связи с чем даём свою интерпретацию знаменитой тютчевской “формулы России”:

*«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить».*

Одни эту формулу оспаривают, другие поднимают на щит её буквальный (закрытый) смысл. Мы же считаем, что **Россия вполне постигается умом, но – умом, стоящим на нравственной позиции.** Только таким умом её и можно измерить, а верить можно (и должно) только в нравственную Россию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИВЕДЁТ ЛИ НАС ПРАВО К ПРАВДЕ?

Из “права” сегодня сделан культ; очень много говорится и пишется о нашем “правовом бескультурье”, о том, что мы никогда не жили в настоящем “правовом обществе” и никогда не обладали развитым “правовым самосознанием”. С этим надо согласиться: действительно, в тех формах, в которых “правовое общество” и “правовое самосознание” существуют на Западе, нам ни то ни другое до сих пор не знакомо. И это было бы очень плохо, даже трагично, – если бы общественные отношения и в самом деле регулировались одним лишь “правом”. Но, к счастью, в общественных отношениях существует и такая их сторона, которая “правом” принципиально не регулируется.

Выявить эту сторону легко: достаточно сравнить мышление поклонников “чисто правовой культуры” с мышлением детей. Ребёнок, например, способен очень быстро усвоить ту истину, что каким бы сверхзаконным правом на свою игрушку он ни обладал, но если мальчик, с которым он “водится”, сильнее его да к тому же ещё и “плохой” (т.е. если он не воспитан в идеалах совести, справедливости и нравственности), то он эту игрушку всё равно отнимет. Поклонники же “чисто правовой культуры” начали перестройку с того, что решили обойтись без идеалов (помнится, в конце восьмидесятых громко заявила о себе в качестве перестроечного манифеста статья “Идеалы или интересы?”, где утверждалась ценность для общества одних лишь отрегулированных на основе права “интересов”). А когда у подавляющего большинства таких праволюбов отняли любимую игрушку – идеал социальной справедливости, они с видом оскорблённой невинности стали жаловаться: «Мы же не этого хотели, мы думали, что всё будет совсем по другому!» (в таком духе выступал по телевидению один известный петербургский кинорежиссёр). И это вовсе не случайная промашка поклонников “чисто правовой культуры”, а естественное следствие их идеологической ориентированности “только на право”. Идеалы же совести, справедливости и нравственности для них – не более чем досадная помеха на пути построения в России “цивилизованного правового общества”.

Между тем для традиционно русского образа мышления всегда типично было как раз полнейшее отсутствие иллюзий относительно “чистого права”. Если заглянуть в древнерусские летописи, то можно увидеть, что слово, переводимое сегодня как “право”, раньше звучало как “власть” или “воля”. Такое понимание “права” гораздо ближе к сути дела, чем нынешнее. В своей откровенно-циничной форме оно могло бы даже звучать побисмарковски: «Право – это юридически санкционированная сила» (т.е.: кто сильнее, тот и устанавливает выгодные для себя “правила игры”). Но цинизм был несвойственен русской культурно-исторической традиции; это подтверждается тем определением “права”, которое зафиксировано в словаре В. Даля: «Право – это власть и воля **в условных пределах**».

“Условные же пределы” человеческому самовластью и самовольству задавали в русской традиции другие понятия: “правда” (с однокоренными ей “справедливостью” и “праведностью”) и неотделимые от неё “совесть”, “нравственность”. На самостоятельную сущность “правды” как “истины, окрашенной совестным, нравственным началом”, указывает широчайший круг источников по истории русской духовной культуры. Здесь и доправовые формулы юридических документов X века («да погубит правду свою» – о нарушителе договора, не подпадающем под формальное уголовное преследование), и приписываемый Александру Невскому афоризм «не в силе Бог, а в правде», и памятники народного фольклора («Спор Правды с Кривдой», «Легенда о горе Судоме» и др.). Даже такие русские пословицы, как “правда суда не боится”, “правда не судима”, “на правду нет суда” – ясно

показывают, что “правда” и “право” всегда осознанно воспринимались нашими предками как несводимые друг к другу понятия.

Хотя данные русского языка дают иногда повод к смешиванию “правды” и “права” (“Русская Правда” – сборник древнерусских законов; “стать на правду” – идти на суд; “правдовать” – начальствовать, управлять, судить да рядить и др.), но такое смешивание происходит из обычной для древности идеи *немыслимости суда без правды* (“творить суд и правду”, “судить по правде”). В этом убеждают и те языковые данные, которые указывают на “правду” как на независимое от “права”, хотя и тесно с ним связанное, явление (“правда суда не боится”, “правда несудима”, “на правду нет суда”). Наконец, существенно и то, что “правда” не обязательно выражается в языке, – её достаточно интуитивно ощущать (“на правду нет слов”).

“Право” же вне языкового выражения немыслимо. Оно, действительно, вырастает из потребности разъяснения и комментирования переставших соответствовать реалиям жизни установлений. Его задача – регламентировать посредством единых для всех “правил игры” общественную жизнь и тем самым делать её приемлемой в плане безопасности, надёжности и предсказуемости. Но успешно выполнять эту свою задачу на протяжении тысячелетий “праву” удавалось только лишь потому, что оно – бессознательно для самого себя – постоянно подпитывалось традиционной ценностью – интуитивно воспринимаемой “правдой”. К сожалению, внешняя неочевидность такой подпитки породила иллюзию самодостаточности “права”, а вслед за иллюзией самодостаточности – и тенденцию к самопровозглашению “права” высшим и единственно разумным регулятором общественных отношений. В рамках этой тенденции “право” стало отказывать в доверии абсолютно всем не поддающимся формализации ценностям, и в первую очередь – интуитивно-ощущаемой “правде” (именно о таком отказе свидетельствует известная формула “разрешено всё, что не запрещено законом”). Но при этом тут же обнаружилось, что “право”, не подпитываемое “правдой”, “совестью”, “справедливостью”, “нравственностью”, поистине обречено делать формально-юридические “правила игры” бессовестными и подлыми.

“Право без правды” – это выражение претензии на достигнутое исчерпывающего знания об окружающей действительности и на возможность положить это знание в основу регламентации всего человеческого жизнеустройства. То есть, это заведомо безнадёжная попытка втиснуть многомерную жизнь в ограниченный набор языковых формул. Ведь “право” считается тем развитей, чем больше в нём таких формул; но чем больше в нём формул, тем больше возникает и противоречий между ними (“война законов”). И всеми этими противоречиями порождается повседневный абсурд самонадеянного “права, игнорирующего правду”.

А вот с “правдой” сложнее; “правда” – это до сих пор культурноисторическая загадка. Дело в том, что если отбросить третьестепенные смыслы слова “правда” (как союза “хотя”, “конечно”, или как синонима утверждений “да”, “так”, “истинно”, “согласен”, “бесспорно”), то всё общее, что объединит остальные смыслы этого слова, окажется сводимо к представлению об “истине, включающей в себя как неотъемлемую составляющую нравственное начало” (что и делает эту истину отличной от “истины в формализованных языках” или от “истины в её юридической трактовке”). Такое представление о “правде” приложимо к самым разным уровням бытия: от уровня мыслей, слов и дел отдельного человека до уровня языковой модели мира. Последний случай, указывающий на “правду” как на “принцип мироустройства” – самый интересный и в историческом, и в мировоззренческом отношении, потому что о происхождении языковых моделей мира современное историческое языкознание до сих пор имеет весьма туманные (и сомнительные в плане доказательности) представления.

От понимания “правды как принципа мироустройства” мы унаследовали представление о невозможности жить без идеала. Отсюда – наше понимание “правды” как порядка, основанного на справедливости. Отсюда – такие смыслы слова “правда”, которые указывают на максимум положительных человеческих качеств: на честность, на совесть и т.д. Отсюда же – тесная связь слова “правда” с такими определениями, как “святая”, “сущая”, “истинная”. “Правда”, действительно, мыслится в русской языковой традиции как нечто вроде духовного маяка или компаса; поэтому “за правду стоят”, “за правду страдают”, “за правду идут на плаху”. Поступать же вопреки “правде” – значит обрекать себя на душевный дискомфорт (“правда глаза колет”) или даже на муки совести.

Отсюда же произрастает и традиционно-критическое отношение русского человека к “чистому праву” (“закон что дышло, куда повернёшь – туда и вышло”). Но считаться с тем фактом, что нарушения формальной законности ухудшают качество повседневной общественной жизни, необходимо. Поэтому в русской истории вырабатывается, а в русской литературе фиксируется уникальная модель отношения к жизни: “пострадать за правду”, – учитывающая одновременно требования и “правды”, и “права”. “Пострадать” – значит подчиниться “праву” (как “силе”); но за “правду”, т.е. сохраняя связь “правды” с “правом”. Самое ценное в этой модели – указание на нерасторжимость “правды” и “права”.

Но такая нерасторжимость означает, что невозможно одно поставить выше другого: “правду” выше “права” или “право” выше “правды”, – перекося в любую сторону всегда будет означать нарушение нерасторжимости, начало её распада. Например, правовая идеология, возведённая в ранг **высшего** регулятора общественных отношений, неизбежно начинает обнаруживать свою принципиальную несовместимость с жизнью по совести, по нравственности. Именно этим обстоятельством следует, видимо, объяснять тот факт, что **страны современного мира, пытающиеся сохранить под натиском “правовой культуры” свою ориентацию также и на традиционные духовные ценности, являются сегодня главными объектами политической клеветы, экономического шантажа и военной агрессии со стороны “цивилизованного” сообщества.** Очень хорошо сказал об этом известный публицист С.Г.Кара-Мурза: «У нас... идея права вытекала из правды. Что и называют тоталитарным мышлением»

Разумеется, и культ “чистой правды” тоже имеет тенденцию скатываться в иллюзию её самодостаточности. И обходится такая иллюзия обществу тоже недёшево: подобно тому как “право без правды” превращается в изощёренно-подлую казуистику, так и “правда без права” вырождается – через начальный романтический период “робингудовщины” – в беспредельный бандитизм и в словесный блуд его теоретического обоснования (в форме концепций “революционной целесообразности”, “тождества произвола и божьего произволения” и т.д.).

Единственная серьёзная альтернатива “иллюзиям самодостаточности” обоёго рода – это давно уже выстраданная нами **культура синтеза правды и права.** Хотя сама она в руки, конечно же, не упадёт. Заглянем, к примеру, в любую из отечественных энциклопедий, и мы увидим, что понятию “права” там всегда посвящён внушительный раздел, а вот понятия “правды” – фундаментальнейшего и необходимейшего для понимания сути русской истории и культуры – **нет вообще.**

Сегодняшнее “право” – это *символ веры* “цивилизованных” обществ (т.е. таких обществ, которые отказали в доверии интуитивно постигаемой “правде”). “Правда” же стала сегодня уже не столько символом, сколько пережитком, веры “традициональных” обществ (т.е. таких обществ, где по исторической инерции всё ещё сохраняется в народном сознании связь традиционных духовных ценностей с исторически меняющимися “правилами игры”). Поэтому соотношение “цивилизованности” и “традиционализма” сегодня – это соотношение агрессивного, *подлеющего* “права” и угасающей (уходящей в тайники человеческих душ)

“правды”. Однако не нужно воспринимать это соотношение с обречённостью, потому что если излечиваются болезни тела, то почему на то же самое нельзя рассчитывать и в отношении болезней духа? Не забудем, что хотя истории как науки о жизни духа до сих пор и не существует, однако потребность в ней, как и предпосылки её появления в ближайшем будущем, начинают заявлять о себе всё более настойчиво.

Важнейшей из таких предпосылок и должно явиться представление о том, что “правда” и “право” – это два тесно взаимосвязанных друг с другом регулятора социальных отношений. Они не совпадают ни по природе (“правда” – понятие сущностное, а “право” – формальное), ни по функции (“правда” – цель, а “право” – средство достижения цели), ни по своим оперативным возможностям (“правда” принадлежит сфере стратегии, а “право” – сфере тактики). Но все эти вместе взятые несовпадения как раз и свидетельствуют о взаимодополнительности “правды” и “права”, об их необходимости друг другу: где нет “правды”, там её не обеспечит никакое манипулирование “правом”, а где нет “права” – там, в силу обычного человеческого неразумия, очень быстро будут затоптаны и “правда”, и “совесть”, и “нравственность”.

*Утверждено первым международным конгрессом по проблемам образования взрослых: «Качество образования – качество жизни»
18 апреля 2006 года, Санкт-Петербурге*

ПРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящий Закон определяет нравственные основы деятельности органов государственной власти социального государства Российской Федерации, гарантирует социальное развитие государства, не противоречащее Конституции Российской Федерации.

Нравственность является важнейшим демократическим условием построения социального государства Российской Федерации, основой государственного управления и местного самоуправления граждан Российской Федерации.

Статья 1.

1. Проблемы и задачи народа Российской Федерации рассматриваются и оцениваются с точки зрения фундаментального нравственного закона: ненанесение человеком ущерба себе, ближним, обществу и природе, баланс материальных и духовных устремлений и действий, прав и обязанностей перед обществом.

2. Культ войны, террора, насилия, вражды, секса, национализма, обогащения любой ценой преследуется и осуждается.

3. Государство поддерживает доминирование социальных ценностей служения человека обществу и заботится о каждом человеке.

Статья 2.

1. Безнравственность народом Российской Федерации осуждается, недостойное поведение граждан публично порицается.

2. Нравственная сила человечества едина и неделима. Она носит государственный, наднациональный, надпартийный, надрелигиозный международный характер.

3. Всеобъединяющая и единая нравственная сила народа Российской Федерации является основой для всеобщего сотрудничества и взаимодействия, основой построения и развития социального государства.

Статья 3.

1. Легитимность и социальная ориентированность государственной власти обеспечивается ее нравственностью, которая, будучи средством упрочения единства власти с обществом, гарантирует повышение качества государственного управления и общественного самоуправления.

2. Все решения государственной власти и органов местного самоуправления должны носить нравственный характер.

3. Государственная власть выносит справедливые судебные, исполнительные и законодательные решения, нравственность которых оценивает и поддерживает народ Российской Федерации.

Юнацкевич П.И., Чигирев В.А., Горюнков С.В., Агафонов С.Ю. Путь России к социальному государству. Материалы к изданию социалистического манифеста / Под ред. В.А. Чигирева / Серия книг: Нравственный путь человечества. – СПб.: «Институт нравственности», 2006. – 28 с.

ПУТЬ РОССИИ К СОЦИАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ

МАТЕРИАЛЫ К ИЗДАНИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МАНИФЕСТА

На основании п. 1 Статьи 7 Конституции Российской Федерации по инициативе «Института нравственности» на базе «Государственно-общественного научного экспертного совета» (ГОНЭС) создан Политический комитет ГОНЭС, основной задачей которого является научная разработка проекта строительства социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В состав Политического комитета ГОНЭС приглашаются ученые, политологи, политические и общественные деятели, государственные служащие, заинтересованные в построении и развитии социального государства – Российская Федерация.

На общественное обсуждение выносятся механизмы и порядок построения социального государства, его ресурсное обеспечение и идеология.

Просим Вас принять участие в обсуждении работы «Путь России к социальному государству».

Ваши замечания и рекомендации просим высылать в письменном виде на сайт: <http://nravst.jino-net.ru>

Письменные замечания и предложения отправлять по адресу: 191180, Россия, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки 78, руководителю «Института нравственности» Юнацкевичу П.И.

Научные эксперты и общественные эксперты ГОНЭС приглашаются принять участие в постоянно действующем научном семинаре «Путь России к социальному государству», который проводится еженедельно, каждую среду с 18.00 до 19.30 по адресу: 191180, Россия, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки 78, тел (812) 9301742. Итоговое обсуждение работы состоится 13 сентября 2006 года с 18.00 до 19.00.

Председатель заседаний
«Государственно-общественного научного экспертного совета»
Руководитель
«Института нравственности»

П.И. Юнацкевич